

УДК 94(41)
ББК 63.3(4Вел)63

Британия в поисках разрядки в 1953–1955 гг.

Е.В. Хахалкина

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

Britain in Searching for Détente in 1953–1955

E.V. Khakhalkina

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Современное обострение российско-европейских отношений и попытки пересмотра существующей системы безопасности на европейском континенте заставляют обращаться к периоду становления Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Эта система складывалась под влиянием разных факторов и сил, давая противоборствующим сторонам — СССР и США возможности для ослабления конфронтации. Одной из таких тенденций в 1953 г. стало выдвижение консервативным кабинетом У. Черчилля предложений по формированию новой системы безопасности в русле разрядки международной напряженности. В статье проанализированы малоизвестные в российской историографии предложения У. Черчилля по налаживанию диалога с СССР и организации встречи в верхах для обсуждения и разрешения германского вопроса и других проблем безопасности. Автор выстраивает материал статьи в логике концепции «трех окружностей», обращаясь к оценке англо-американских отношений и политике Великобритании в области европейской интеграции в указанный период. Особое внимание уделено обсуждению проблемы создания Европейской армии и проведению Берлинского совещания и Женевской конференции в 1954 г.

Ключевые слова: У. Черчилль, А. Иден, Н.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Великобритания, СССР, Европейская армия, Берлинское совещание 1954 г., Женевская конференция 1954 г.

DOI 10.14258/izvasu(2016)2-29

В 1951 г. Великобритания в лице вернувшегося к власти У. Черчилля пыталась предложить к реализации идеи по смягчению международной напряженности.

Побудительным мотивом к пересмотру сложившейся в Европе конфронтационной структуры безопасности послужила смерть И. Сталина 5 марта 1953 г. Уход из жизни советского лидера внес суще-

The current deterioration of Russian-European relations and attempts to revise the existing security system in Europe forced to apply to the period of formation of the Yalta-Potsdam system of international relations. This system was influenced by different factors and forces, allowing the two conflicting parties in the Cold War — the USA and USSR — an opportunity to weaken the level of confrontation. One of these trends in 1953 was the initiative by the prime-minister of the Conservative Cabinet of Winston Churchill to the form a new security system in line with the international detente. The article analyzes a little-known in the Russian historiography initiatives offered by Winston Churchill to establish a dialogue with the Soviet Union and to organize a summit to discuss and resolve the German question and other security problems. The author of the article builds the material in the logic of the “three circles” concept, referring to the assessment of the Anglo-American relations and the policy of Great Britain in the field of European integration. Particular attention is paid to the issue of a European army and holding of the Berlin Conference and the Geneva Conference in 1954.

Key words: Winston Churchill, Anthony Eden, N.S. Khrushchev, N.A. Bulganin, Great Britain, the Soviet Union, the European army, the Berlin Conference of 1954, the Geneva Conference in 1954.

ственные коррективы в международную обстановку, сначала вызвав сумятицу в зависимых от СССР странах и на Западе, сменившуюся надеждами на ослабление градуса конфронтации.

11 мая 1953 г. У. Черчилль в Палате общин — в отсутствие по состоянию здоровья министра иностранных дел А. Идена — выступил с обстоятельной оценкой международных дел [1, col. 890]. Как и прежде,

лидер консерваторов отдавал приоритет Британской империи и Содружеству над участием страны в европейской интеграции. Он отмечал, что Британия поддерживала все французские и прочие инициативы континентальных стран, но полноценное участие в них считает неприемлемым. При этом У. Черчилль особо отметил заинтересованность Великобритании в создании ЕОС. Однако во Франции по-прежнему наблюдалось недоверие договору со стороны парламентариев в связи с угрозой доминирования ФРГ в будущей Европейской армии.

Важнейшим событием с момента прошлых дебатов по международным делам У. Черчилль назвал «смену настроений в советских территориях и особенно в Кремле после смерти Сталина», выразившуюся в «серии дружественных жестов нового советского руководства» [1, col. 893–894].

«Я не думаю, — заявил У. Черчилль, — что проблема согласования безопасности России со свободой и безопасностью Западной Европы неразрешима». Основой для создания новой системы безопасности в Европе премьер-министр считал идеи, на которых в свое время базировалась Локарнская система. Будучи членом кабинета и канцлером казначейства, Черчилль был знаком с деталями выработки системы Локарнских договоров в 1925 г., основополагающим из которых был Рейнский гарантийный пакт. Премьер-министр считал, что по своей простоте и замыслу Локарнская система была «пиком достижений британской дипломатии в межвоенный период». Эффективный механизм системы, по его мнению, состоял в том, что если «Германия нападает на Францию, то мы поддерживаем французов, если Франция — на Германию, то мы выступаем на стороне немцев».

При этом У. Черчилль обошел молчанием печальные итоги основанной на таком подходе структуры безопасности: в 1936 г., когда Германия нарушила договор и оккупировала Рейнскую демилитаризованную зону, Британия, будучи одним из гарантов пакта, не оказала поддержки Франции. Такая позиция Лондона, как известно, была сопряжена с проводимой им с середины 1930-х гг. политикой умиротворения. У. Черчилль был решительным противником этого курса, приведшего к краху Локарнских договоренностей и Второй мировой войне.

«Россия должна быть уверена, — заявил У. Черчилль, — что ситуация гитлеровского вторжения не повторится вновь...». Он вспоминал: «29 апреля 1945 г. я написал в письме И. Сталину: «Взгляд в будущее оставляет мне мало места для оптимизма, так как мир будет расколот на две части: с одной стороны будете господствовать Вы и ваши страны, а также коммунистические партии в других государствах, с другой стороны сплотится весь англоговорящий мир с их партнерами и доминионами. Совершенно очевидно, что вражда этих двух миров разорвала бы мир на ча-

сти, и тогда лидеров этих миров накрыло бы чувство стыда перед историей... Я прошу Вас, мой друг Сталин, не недооценивать наши расхождения, которые, Вы, можете быть, думаете, несущественны для нас, но которые на самом деле символизируют сущностный взгляд англоговорящих демократий на мир». Сегодня я готов повторить то же самое» [1, col. 896–897].

Цитирование этой части письма любопытно тем, что позволяет провести параллель с Фултонской речью, которая, как показывает выступление премьер-министра в мае 1953 г., не стала для И. Сталина неожиданностью. У. Черчилль в 1946 г. выразил те же тезисы — о расколе мира на две части и о существовании серьезных разногласий — что и в письме 1945 г. Однако высказанные в разное время и в разных контекстах оценки Черчилля имели разные следствия. На выступление тогда уже отставного политика в Фултоне Сталин отреагировал в форме интервью, опубликованного 13 марта 1946 г. в газете «Правда». До сих пор остается дискуссионным вопрос, почему И. Сталин посчитал возможным и необходимым ответить на речь Черчилля и какой эффект этот ответ имел на Западе в условиях разворачивавшейся «холодной войны» [1, col. 897].

Спустя семь лет после Фултонской речи Черчилль вновь вернулся к своим прежним оценкам, выдвинув инициативу немедленного, «без всякой задержки», созыва международной конференции на высшем уровне «с минимальным количеством участников и, возможно, в максимально неформальной обстановке». Такая конференция, по его мнению, должна была содействовать разрешению существующих конфликтов, среди которых основными британский премьер называл достижение мирного урегулирования в Корее и австрийский вопрос [1, col. 898].

Очевидно, что такой призыв явно вразрез шел с прежними установками Черчилля в отношениях с Советским Союзом и представлял хороший шанс для реального, а не декларативного движения к разрядке международной напряженности.

Значительное внимание в выступлении лидер консерваторов посвятил ближневосточной политике Великобритании и особенно ухудшившимся англо-египетским отношениям. Глава правительства выразил готовность защищать, вплоть до использования военной силы, позиции страны в регионе. Впервые премьер-министр, что было симптоматично, не упомянул ни о союзе с Соединенными Штатами, ни даже о солидарности с ними.

Такая ситуация объяснялась обострением англо-американских отношений в регионе Ближнего и Среднего Востока в этот период.

Отражением кризиса отношений США и Британии стал отказ Вашингтона от обсуждения инициативы У. Черчилля по организации встречи на высшем уровне. Еще 5 апреля британский премьер-министр

обратился к президенту США с идеей созвать четырехстороннюю встречу для обсуждения мировых проблем [2, р. 36–37].

Реакция Эйзенхауэра носила неблагоприятный характер и отражала скептическое отношение Вашингтона к возможностям смягчения международной напряженности после смены руководства в Москве [3, с. 179–180].

Высказанные У. Черчиллем идеи, тем не менее, совпадали с общим настроением советского коллективного руководства в лице Л.П. Берии, Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова в пользу улучшения отношений СССР и стран Запада [4, с. 455]. В конце сентября 1953 г. Москва выступила с призывом к западным странам «рассмотреть вопрос о мероприятиях, содействующих общему уменьшению напряженности в международной обстановке» [5, с. 433].

Однако дипломатическая переписка и обмен мнениями сторон, последовавшие вслед за этим, казалось бы, наметившимся сближением, показывали, что в реальности стороны не спешили с урегулированием спорных вопросов. В новом советском руководстве сначала наблюдалось стремление к разрешению германского вопроса путем проведения общегерманских выборов и объединения Германии, но довольно скоро такие идеи, высказанные министром иностранных дел В.М. Молотовым, были оставлены [6, с. 163–164].

Особое неприятие у советских руководителей вызывал процесс создания Европейской армии в связи с тем, что ратификация договора должна была привести к вступлению в силу Боннского договора и военному усилению ФРГ.

В конце июня премьер-министр У. Черчилль по настоянию врачей был вынужден отойти от дел на один месяц, дистанционно продолжая получать информацию о происходящем и инструктируя членов кабинета в принятии решений. В отсутствие У. Черчилля функции председателя кабинета выполнял канцлер казначейства Р. Батлер.

6 июля Черчилль, не отказываясь от идеи проведения конференции в верхах, направил Батлеру телеграмму, в которой указывал, что предпосылкой для созыва встречи четырех держав должна стать ратификация ЕОС: «...наша двойная цель на переговорах — скорейшая ратификация договора и организация встречи четырех держав» [7, р. 11–12].

При обсуждении телеграммы члены кабинета пришли к мнению о том, что Париж в действительности не заинтересован в решении германского вопроса путем объединения Германии. Французы опасались усиления ФРГ в рамках Европейской армии, в случае общегерманских выборов уже объединенная Германия могла вступить в ЕОС. В свою очередь, британское руководство считало, что при таком повороте событий «лучше для нас, если единая Германия вступит в НАТО, а не в ЕОС» [7, р. 12].

10–14 июля 1953 г. в Вашингтоне проходила трехсторонняя встреча госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса, премьер-министра Франции Ж. Бидо и временно исполняющего обязанности главы Форин-офиса вместо отсутствующего по состоянию здоровья А. Идена лорда Солсбери. 21 июля 1953 г. он направил телеграмму в Лондон, сообщая в ней о ходе переговоров [8, р. 47].

Франция, указывал глава британской делегации, настаивала на проведении четырехсторонней встречи по германскому вопросу как условия ее ратификации ЕОС. Французов поддерживал федеральный канцлер К. Аденауэр. Изначально он отвергал идею встречи, но изменил свой подход в условиях роста оппозиции внутри страны его «чрезмерному оптимизму» в отношении ЕОС и после одобрения в бундестаге 10 июня созыва встречи четырех держав [9, р. 127]. Согласованная повестка дня предстоящей встречи предусматривала обсуждение германского и австрийского вопросов.

Такая повестка шла вразрез с инициативами У. Черчилля, считавшего, что на конференции следует обсудить более широкий круг вопросов, вплоть до идеи оформить систему коллективной безопасности в Европе по типу Локарно [8, р. 48]. США отвергли эту инициативу, официально сославшись на невозможность получить поддержку в конгрессе, но реально сочтя ее анахронизмом в послевоенных реалиях 1950-х гг.

Внутри британского правительства премьер-министр не имел твердой поддержки. В отличие от У. Черчилля лорд Солсбери считал, что смерть Сталина не привела к «фундаментальным изменениям в советской внешней политике». Внешнеполитический курс СССР, указывал он, по-прежнему ориентирован на использование противоречий между западными державами. Это мнение разделяли и в Париже.

Накануне встречи министров иностранных дел четырех государств в Берлине, намеченной на январь 1954 г., члены британского кабинета обсудили ключевой вопрос повестки дня — свободные выборы в Германии. Советская сторона, как считали в Форин-офисе, будет упираться на то, что германские правительства должны сами подготовить выборы. Министр иностранных дел противопоставлял этим идеям своей план («план Идена») и считал, что лучшее, что мы можем получить от встречи, — это продемонстрировать солидарность западных стран [10, р. 21].

В свою очередь, советское правительство готовило к этой встрече свое видение комплексного решения проблем безопасности в Европе, выразившееся в разработке «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе», основной идеей которого было недопущение создания вооруженных сил в обоих германских государствах.

25 января — 18 февраля 1954 г. проходило совещание министров иностранных дел в Берлине. Советская делегация выдвинула инициативу заключить Государственный договор с Австрией при условии ее нейтралитета и сохранения советских войск в Юго-Восточной Европе, в том числе ограниченные оккупационные контингенты на территории Австрии до урегулирования германского вопроса, чтобы ускорить его решение. Министр иностранных дел Австрии Л. Фигль фактически поддержал эти предложения, заявив на конференции, что его страна не стремится вступать в какие-либо коалиции и военные блоки [11, с. 164].

Предложенный СССР вариант не устраивал западные державы, опасавшиеся распространения нейтралитета Австрии на Германию. Западным интересам гораздо больше отвечало вступление в ЕОС ФРГ и в перспективе — при решении австрийского вопроса — и суверенной Австрии.

Один из участников советской делегации, переводчик и дипломат Р.А. Сергеев приводит любопытный случай. На одном из заседаний В.М. Молотов заявил о готовности Советского Союза рассмотреть вопрос о своем участии в НАТО. В ответ Д.Ф. Даллес, А. Иден, Ж. Бидо и члены их делегаций разразились гомерическим хохотом. Но 31 марта советское правительство направило ноты западным державам, в которых официально ставило этот же вопрос. На это предложение западные страны ответили официальным отказом [12, с. 43].

Такие идеи были сопряжены с развитием предложений в СССР по экономическому сотрудничеству европейских стран. Выдвижение инициатив по развитию внутриевропейской торговли в связи с приближением дебатов во французском парламенте по договору ЕОС могло помочь в усилении противников Европейской армии в таких странах, как Франция, Италия, ФРГ и Британия [13, с. 172–173]. Однако широкого отклика советские планы в западноевропейских странах не получили.

А. Иден на заседании кабинета озвучил свои впечатления от конференции. Он отмечал, что его поразила «чрезмерная жесткость» советского руководства к европейским проблемам. Высказанные советской дипломатией предложения по Австрии были восприняты британской стороной как «игра на публику». Присутствие советских вооруженных сил в австрийской зоне оккупации было увязано с сохранением военных сил в Венгрии и Румынии. Глава Форин-офис был убежден, что советское руководство не пойдет на вывод своих сил с австрийской территории, опасаясь цепной реакции и требований Венгрии и Румынии по выводу войск с их территорий.

А. Иден вслед за лордом-канцлером лордом Солсбери был убежден, что в советской внешней политике «доминируют военные лидеры», которые

не допускают сдачи своих военных позиций в Европе. Из этого министр иностранных дел делал вывод о том, что «русская политика продиктована чувством слабости и по этой причине вряд ли изменится» [14, с. 72].

Подобного рода размышления были созвучны выводам, сделанным американским советником посольства США в Москве Дж. Кеннаном еще в феврале 1946 г. Его «длинная телеграмма», написанная при сотрудничестве с британским коллегой Ф. Робертсом, была выстроена вокруг идеи сдерживания СССР, «чувствительному к логике силы, а не к логике разума» [15, с. 43]. Спустя восемь лет такие оценки по-прежнему оставались в силе.

Премьер-министр У. Черчилль был более благожелателен в своих оценках Берлинского совещания, отметив, что положительным итогом можно считать «не слишком напряженную» атмосферу переговоров, что давало надежды на продолжение диалога [16, р. 82].

Аналогично оценивал итоги встречи советский министр иностранных дел В.М. Молотов, отмечая достигнутую в Берлине договоренность о проведении международного совещания в Женеве [5, с. 435].

Обсуждение итогов Берлинской встречи показывало, что между премьер-министром и главой Форин-офис сложилось разное видение отношений с Москвой. Для У. Черчилля водоразделом в позиции СССР была смена руководства в Кремле после смерти Сталина. Он считал, что с новым руководством нужно и можно договариваться. А. Иден, судя по его оценкам, исходил из прежних установок на то, что Советскому Союзу доверять нельзя.

Эти дискуссии проходили на фоне Женевской конференции, работавшей с 26 апреля по 21 июля 1954 г. и ставшей важнейшим событием международной жизни того периода. Участие в ней принимали министры иностранных дел Великобритании, США, Франции, СССР и КНР. Хотя конференция в основном была посвящена урегулированию международных конфликтов в Индокитае и Корее, министрам иностранных дел удалось обсудить европейские проблемы.

Советский министр иностранных дел В.М. Молотов на встрече с французским коллегой П. Мендес-Франсом не стал открыто поднимать тему создания ЕОС, хотя советская дипломатия враждебно относилась к планам создания Европейской армии.

В конце июля А. Иден информировал кабинет, что французское правительство выразило готовность обсудить с Лондоном другие формы германского перевооружения, если Национальная ассамблея не одобрит договор [17, р. 3]. 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать договор о создании ЕОС.

Британская дипломатия в сложившейся ситуации выступила за вступление ФРГ в НАТО на основе Боннских соглашений 1952 г. Проблема состояла в том, что Боннские соглашения из-за отказа Франции

ратифицировать договор о Европейской армии не вступили в силу, поэтому в сентябре в Лондоне была организована конференция по решению этого вопроса [18, р. 2].

Французский премьер-министр П. Мендес-Франс информировал Лондон и Вашингтон о том, что Боннские соглашения будут приняты во Франции, если Британия даст обязательство поддерживать войска на континенте и контролировать вооруженный пул посредством своего представительства в Европейском совете. Британская дипломатия в этих условиях считала, что настало время для расширения рамок Брюссельского пакта 1948 г.

3 октября были подписаны итоговые соглашения, по которым Западная Германия восстанавливала свой суверенитет, оккупация прекращалась, ФРГ и Италия входили в состав Западного союза. Вслед за этим шагом Боннская республика вошла в состав НАТО. Европейские страны континента согласились на создание Агентства по контролю над вооружениями для соблюдения запрета ФРГ производить атомное, биологическое и химическое оружие, ракеты и большие военные корабли [19, р. 189–190].

Премьер-министр У. Черчилль на заседании кабинета в середине октября выразил удовлетворение прошедшей конференцией, как укрепившей международные позиции Соединенного Королевства [20, р. 3].

В конце октября 1954 г. в Париже были подписаны новые Парижские соглашения о создании Западно-европейского союза (ЗЕС) с участием Западной Германии; протокол о принятии ее в НАТО и протокол о прекращении оккупационного статуса в ФРГ.

В начале февраля 1955 г. министр иностранных дел сообщил в кабинете о переменах в коллективном руководстве в СССР: Н. Булганин сменил Маленкова на посту председателя Совета министров. В этой связи А. Иден вспоминал, что в ходе Женевской конференции 1954 г. он был поражен «холодной реакцией Молотова на любые замечания Г. Маленкова». Однако эти перемены, как замечал Иден, не приведут к «усилению Красной армии в политических кругах Москвы», скорее произошедшая перемена свидетельствовала о возросшем влиянии секретаря ЦК КПСС

Н. Хрущева. Действительно, маршал Н.А. Булганин не пользовался популярностью в военных кругах, несмотря на то, что занимал военные должности разного уровня с 1947 г.

В середине марта члены кабинета обсудили проблемы европейской обороны в связи с предстоящей четырехсторонней встречей в Париже. Эта встреча, считал У. Черчилль, должна продемонстрировать «прогресс на пути к европейскому единству», ослабление международной напряженности и снижение риска войны. Практические действия на конференции предполагали согласование предложений по объединению Германии, подписание мирного договора с Австрией и обозначение новых контуров оборонной системы Европы [21, р. 5–6].

У. Черчилль придавал большое значение предстоящей встрече и расценивал ее как решающий шаг в создании системы коллективной безопасности в Европе и сохранении мира. На следующий день глава кабинета отправил в Вашингтон телеграмму, в которой указывал на «исключительную важность продолжения начатого в Берлине диалога с русскими» [22, р. 2].

Однако 5 апреля 1955 г. в политической жизни Британии произошли важные изменения. У. Черчилль после перенесенного инсульта в возрасте 80 лет был вынужден покинуть должность премьер-министра, вместе с ним в отставку уходил весь состав кабинета, и были назначены новые выборы. До проведения парламентских выборов обязанности главы кабинета выполнял ставший лидером консервативной партии А. Иден.

Идеи разрядки, активно продвигаемые У. Черчиллем, будут похоронены новым правительством, вновь сформированным консерваторами после победы на выборах в Палату общин в октябре 1955 г. Однако само выдвижение инициатив в сторону диалога с СССР для разрешения германского и сопряженных с ним вопросов показывает, что в внутри британской политической элиты и среди западных стран происходила борьба мнений, которая, к сожалению, так и не привела к подлинному ослаблению международной напряженности в 1950-е гг.

Библиографический список

1. Great Britain. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Foreign Affairs. 11 May 1953.
2. The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Ed. by P. Boyle. Chapell Hill, 1990.
3. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. — Томск, 2003.

4. Егорова Н.И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. — М., 2003.
5. Гайдук И.В. Советский Союз на Женевской конференции по Индокитаю // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. — М., 2003.

6. Филитов А.М. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 году // Россия XXI век. — 2008. — №2.
7. The National Archives of the UK. Cabinet Papers (CAB). CAB 128–26. 6 July 1953.
8. CAB 128–26. 21 July 1953.
9. Dockrill S. Britain's Policy for West German Rearmament. 1950–1955. — N.Y., 1991.
10. CAB 128–27. 18 January 1954.
11. Кружков В. Как Австрия стала нейтральной // Международная жизнь. — 2008. — №8.
12. Сергеев Р.А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади. 1948–1991. — М., 2007.
13. Липкин М.А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х — середина 1960-х гг. — М., 2011.
14. CAB 128–27. 17 February 1954.
15. Системная история международных отношений. В 4 т. — Т. 4. Документы. — М., 2004.
16. CAB 128–27. 22 February 1954.
17. CAB 128–27. 27 July 1954.
18. CAB 128–27. 1 September 1954.
19. Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954. // Contemporary European History. Vol. 7. № 2. 1998.
20. CAB 128–27. 5 October 1954.
21. CAB 128–28. 9 February 1955.
22. CAB 128–28. 15 March 1955.